стей сентиментализма. Так, он явно иронизирует над слащавой ультрасентиментальной литературой, которой увлекался герой «Бедной Лизы» Эраст. Подобная ирония имеет место и в «Юлии», где сделана попытка нарисовать объективную картину жизни светской женщины и где сентиментальность как таковая берется под сомнение.

«Моя исповедь» — следующий шаг в стремлении писателя высвободиться из пут крайнего субъективизма.

Необходимо отметить вместе с тем, что «Моя исповедь» — это ирония писателя и по отношению к некоторым чертам своего собственного творчества (особенно периода «Аглаи»). Теперь Карамзин берет под сомнение такое восприятие мира художником, когда вся окружающая действительность представляется лишь «китайскими тенями» его собственного воображения. Высмеивает Карамзин и чрезмерную растянутость современных ему романов и повестей («они умеют расплодить самое ничто») и отсутствие необходимой психологической мотивировки характера. Смешным и нелепым представляется его герой, который более сорока лет жизни на свете никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих и «девизом» которого «было *великое* слово *так*». Заслуживает серьезного внимания точка зрения Е. Н. Купреяновой о том, что «Моя исповедь» представляет собою пародию на современный Карамзину нравственно-сатирический роман.[16]

Вместе с тем в повести Карамзина решительно осуждаются произведения, в которых отсутствует идеальное начало. Осуждая дидактическое нравоучительство, писатель вместе с тем требует от произведения искусства высокого нравственного смысла. И хотя сам герой повести цинично заявляет, что признания его не имеют никакой нравственной цели, всей повестью, всей логикой развития характера это опровергается. Достаточно вспомнить конец «Моей исповеди»: «Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыдил род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве. Но поверю ли им, видя с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов!» (VII, 187). Здесь квинтэссенция нравственной направленности повести Карамзина.

А за всем этим — вера в способности человека быть достойным своего высокого призвания. Карамзин по-прежнему настойчиво подчеркивает огромное значение нравственного, идеального начала в искусстве, которое сейчас писатель видит не в дидактическом нравоучительстве, а в верности изображения характеров, в глубоком раскрытии «внутреннего человека».

---

[16] Е. Н. Купреянова. Русский роман первой четверти XIX в., стр. 72.